

Механизм влияния немецко-фашистских оккупационных властей на массовое сознание жителей г. Красногвардейска

М. В. Максимов

В статье на основании широкого круга источников рассматриваются основные факторы, которые использовались немецко-фашистским оккупационным режимом в рамках формирования механизма влияния на массовое сознание и повседневность жителей оккупированной территории на примере г. Красногвардейска (г. Гатчина). Были выявлены основные компоненты влияния немецко-фашистской оккупационной власти на местных жителей с целью изменения их массового сознания, а также предотвращения любых форм сопротивления на оккупированной территории. Наиболее отчётливо в данной системе влияния выделяются такие факторы, как перманентное запугивание населения с целью его тотального контроля, использование идеологической пропаганды, жёсткое цензурирование источников информации, политика голода, а также применение жестоких репрессий с использованием пыток и публичных казней по отношению к мирному населению. Оккупационная политика преследовала своей целью формирование среди населения отрицательного отношения к советской власти, доброжелательного отношения к немецким солдатам как к освободителям населения от большевизма, пропаганды сотрудничества и несопротивления, а также пропаганды тотального подчинения в рамках социал-националистических расовых установок. Данная статья создана в рамках подготовки диссертационного исследования по теме «Повседневная жизнь и массовое сознание жителей пригородных районов Ленинграда в 40-е гг. XX в.».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, немецко-фашистская оккупация, массовое сознание, повседневность, Ленинград.

Для цитирования: Максимов М. В. Механизм влияния немецко-фашистских оккупационных властей на массовое сознание жителей г. Красногвардейска // История повседневности. – 2025. – № 2. – С. 105–125. DOI: 10.35231/25422375_2025_2_105. EDN: AXTHGM

Введение

В период немецко-фашистской оккупации территорий СССР множество людей были вынуждены столкнуться с трудными вызовами, при которых их повседневная жизнь была затронута политическими и военными событиями. Красногвардейск¹ не стал исключением в длинном ряду оккупированных городов и сёл Ленинградской области. Оккупационный режим не только внёс существенные изменения в повседневную жизнь, но и оказал значительное влияние на психологию, социальные взаимоотношения и массовое сознание красногвардейцев. Огромную роль в процессе трансформации массового сознания сыграл системный механизм нацистского воздействия на граждан с целью их тотального контроля и подчинения.

В отечественной исторической науке тема Великой Отечественной войны и немецко-фашистской оккупации занимает ключевую позицию в научных исследованиях различного характера.

В советской историографии вопрос повседневной жизни на землях, занятых немецко-фашистскими войсками, не рассматривался отдельно от общей темы Великой Отечественной войны. Оккупация, как правило, исследовалась в рамках контекста самой войны, при этом многие аспекты повседневной жизни либо намеренно обходились стороной, либо ненамеренно игнорировались. Несмотря на это, советские исследователи внесли значительный вклад в понимание проблемы оккупации. Советскими историками рассматривались вопросы экономической стратегии нацистов на оккупированных территориях [1], преступления немецкой армии [2–3], деятельность партизанских отрядов и их роль в помощи РККА [4–5], борьба местных жителей с захватчиками [6–7].

Исследователи же постсоветского времени подробно рассматривали вопросы коллаборационизма [8–9], а с обретением актуальности в отечественной исторической науке такого направления исследований, как история повседневности, и различные, преимущественно бытовые, аспекты жизни советских мирных граждан, в первую очередь в блокадном Ленинграде [10–12].

В контексте исследования повседневности советских граждан в годы немецко-фашистской оккупации территорий СССР

¹ Данное название г. Гатчина носил с 1929 по 1944 гг., здесь и далее г. Гатчина будет именоваться нами в рамках советской топонимики Красногвардейском.

не в последнюю очередь интересны вопросы их не только бытового, но и морального, психологического состояния. Отдельные сюжеты, связанные с анализом повседневности, а также формирования и изменения массового сознания под влиянием немецко-фашистского оккупационного режима, были рассмотрены такими авторами, как Н. Д. Козлов [13–15], Б. Н. Ковалёв [16], Е. Е. Красноженова [17–18], В. А. Сомов [19], Т. Н. Минникова [20] и др. Вместе с тем в отечественной историографии нет работ по изучению влияния нацистского оккупационного режима на повседневность и массовое сознание жителей Красногвардейска.

Целью данной статьи является выявление основных факторов действия механизма влияния немецко-фашистских оккупационных властей на массовое сознание жителей Красногвардейска.

Источниковая база исследования представлена материалами, относящимися к деятельности государственных комиссий, которые занимались расследованием немецких преступлений на захваченной территории. Делопроизводственные документы предоставляют множественные свидетельства людей, которые смогли пережить оккупационное время и дать свои показания относительно разрушений и разграблений, а также о структуре нацистской власти, которая была установлена в оккупированных пригородах. Данные документы являются также и важным статистическим источником, показывающим масштабы разрушений и смертности в Красногвардейске в исследуемый период.

Результаты

В довоенное время Красногвардейск был благоустроенным советским городом, где историческая архитектура перекликалась с развитой гражданской инфраструктурой, а также промышленными предприятиями. В городе находился не только знаменитый дворец, который был популярен у советских граждан как место культурного отдыха, но также и вузы, средние школы, дом культуры, дом РККА, театр, библиотека, больницы, ЖД вокзалы [21, л. 2]. Промышленный потенциал города был представлен несколькими крупными заводами, а также многочисленными промкооперативами [21, л. 2].

Согласно переписи населения за 1939 г., до оккупации в городе проживало 38 201 чел. [22, л. 63]. С началом войны жители города были задействованы в массовых оборонительных мероприятиях не только в районе Красногвардейска, но также и в других пригородных районах Ленинграда. Однако после тяжёлых боёв в сентябре 1941 г. город был сдан немецко-фашистским войскам.

Оккупация разрушила гражданскую, промышленную и государственную инфраструктуру города. За три ее года, с 13 сентября 1941 г. по 25 января 1944 г., немецкие солдаты уничтожили промпредприятия¹, дворец-музей², сожгли вместе с оборудованием культурные и медицинские учреждения, массово вырубали деревья дворцового парка. При отступлении были взорваны ж.-д. вокзалы и депо. Значительно пострадала и большая часть коммунального хозяйства: электростанция, электросеть, водопровод, канализация, городская баня, прачечная и хлебозавод. Более 120 тыс. кв. м жилой площади, находящейся в коммунальных и частных домах, было разрушено, в результате чего тысячи жителей остались без дома [21, л. 3].

Однако самым большим страданиям подверглись не здания и материальные объекты Красногвардейска, а местные жители, которые были вынуждены жить в обстановке экстремальной ситуации немецко-фашистской оккупации на протяжении 866 дней.

Для того чтобы эффективно воздействовать на массовое сознание местных жителей, а также предотвратить акты сопротивления и склонить красногвардейцев к сотрудничеству, немецко-фашистские власти использовали комплексный механизм психологического и физического влияния на жителей города. Для углубленного понимания работы данного механизма, стоит уточнить организационную структуру, которую нацисты создали в Красногвардейске. Так, власть в городе была поделена между двумя основными управляющими органами: немецкой комендатурой и русской управой.

Немецкая комендатура, управлявшаяся военным комендантом, контролировала армейские части нацистов, которые базировались в городе, а также исполняла руководящую роль

¹ В то же время значительная часть специализированного оборудования заводов была вывезена в Германию.

² Те коллекции и памятники искусства, которые хранились в музее и не были эвакуированы в первые месяцы после начала войны, были либо вывезены в Германию, либо уничтожены.

в управлении городской жизнью преимущественно через приказы и распоряжения русской управе.

Русской управой заведовал бургомистр¹, человек, который выбирался нацистами из местных жителей. Бургомистр был призван налаживать отношения между оккупантами и красногвардейцами наиболее понятным русскому населению образом и продвигать национал-социалистическую идеологию в массы.

Отдельную и немаловажную роль в контроле за населением выполняли местные отделения СС и гестапо.

В целом, в нацистском механизме власти и влияния на массовое сознание можно выделить несколько ключевых факторов: страх, как средство контроля; ограниченный доступ к информации; идеологическая пропаганда; склонение к сотрудничеству; «План голода».

В центре механизма контроля за населением стоял страх. Оккупационные власти систематически угрожали насилием и применением репрессий для подавления любых форм непослушания или сопротивления среди местных жителей. Перманентная опасность, создаваемая преступными действиями нацистов, порождала тревогу и неопределённость среди жителей, заставляя их испытывать чувство уязвимости и беспомощности перед захватчиками.

Репрессивная политика оккупационных властей включала в себя частые аресты, принудительную депортацию местного населения преимущественно в Германию и Прибалтику², тюремные заключения и внесудебные казни.

Преследуя цель установить тотальный контроль над жителями, оккупанты ввели в городе трудовую повинность, ограничили возможность свободного передвижения, ввели комендантский час с 3-х часов дня. В городе организовывались облавы для проверки документов, а также розыска партизан, евреев и других «неблагонадёжных» представителей местного населения.

Свидетели оккупации Красногвардейска показывали, что в течение первых шести месяцев нацисты, стремясь запугать местное население, применяли тактику публичных казней среди лиц, которых они заподозрили в партизанской деятель-

¹ Также городской голова.

² Эти мероприятия немецкие власти называли «эвакуацией», за время оккупации Красногвардейска в немецкий плен было угнано более 17 000 чел. [21, л. 10].

ности, задержанных за воровство, а также представителей еврейской национальности. На первом этапе оккупации казни действительно стали основным средством устрашения местных жителей. Виселицы были установлены в городе повсеместно, поскольку повешение было частым способом казни. Одна из виселиц была установлена на самом видном и проходимом месте в городе – на центральной Красной улице, где располагался рынок [21, л. 38]. Очевидно, она являлась своеобразным символом, который напоминал гражданам о том, что незначительное неповиновение или преступление в отношении немецких властей может привести к смерти, так как с этой виселицы по несколько дней могли не снимать трупы повешенных за воровство или сотрудничество с партизанами людей. Часто нацисты не проводили никаких судебных разбирательств, поэтому людей казнили без доказательства вины, иногда это происходило по наводке местных жителей или при необоснованном подозрении. Всего за время оккупации города было повешено от 700 до 800 жителей Красногвардейска [21, л. 6].

Ещё одной стратегией устрашения, главными инициаторами которой являлись местные служащие СС и гестапо, были допросы с применением жестоких пыток.

По адресу Красная улица, 22 располагался центральный штаб местного отделения гестапо, во дворе этого дома находился каменный сарай, который был оборудован как пыточная камера для ведения допросов, такая же комната была организована и в самом доме [21, л. 44]. Свидетели, которые непосредственно наблюдали преступления нацистов, описывали следующие элементы пыток: избиение до полусмерти резиновыми дубинками, использование специализированных пыточных приспособлений, психологическое и моральное насилие.

Одна из свидетельниц в своих показаниях Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (далее – ЧК) описывала следующее: «Из камеры, где допрашивали раздавались крики и стоны. Допрашиваемым мужчинам зажимали половой орган в специально сконструированный для этого прибор, после чего в бессознательном состоянии выбрасывали во двор» [21, л. 44]. После этого допрашиваемых выводили на улицу: «Допрашиваемых в сарае выводили и вытаскивали

окровавленных, полуживых и мёртвых, тело которых было разодрано и висело кусками» [21, л. 44]. Далее узников увозили в неизвестном направлении, свидетели указывали, что этих людей больше никогда не видели в городе.

Применение психологического давления и морального насилия над допрашиваемыми, с другой стороны, также практиковалось сотрудниками гестапо в ходе проведения допросов мирных жителей. Нацистские служащие агрессивно принуждали человека сознаваться в преступлении, которое он не совершал. Одна из свидетельниц, давая показания ЧК, описывала следующую ситуацию: «Когда я явилась по указанию гестапо ... человек небольшого роста стал добиваться от меня, чтобы я созналась, что я еврейка. Он заставлял меня читать молитвы, спрашивал зачем я производила обряд обрезания над сыном, другой подносил к моему лицу зеркало и говорил "вот доказательство, что ты жидовка". При этом он ударил меня по подбородку, так как я русская, то, разумеется, я не могла сознаться в том, чего они от меня добивались» [21, л. 47]. Такие случаи негативно влияли на психику местных, многие, в том числе и допрашиваемая женщина, впоследствии старались отгородиться от мира и не появляться на улице, чтобы избежать ненужного внимания.

Нацисты использовали и практику клеймения тех граждан, которых они объявляли преступниками. С мая 1942 г. в главном здании конторы торфообработок был открыт карательный лагерь для гражданского населения города и района, куда помещали людей за незначительные проступки, а также более крупные нарушения, с точки зрения нацистского руководства. Преступлением могло быть копанье картошки на огороде, кражи, грубости по отношению к представителям немецкой власти и солдатам, подозрение в партизанстве и пр. Таких «нарушителей» клеймили латинской буквой «K» [22, л. 48], которая отсылает к немецкому слову «krimineller» – преступник. Клеймение являлось символом предупреждения для других и работало как гарант предотвращения сопротивления и неподчинения нацистской власти. С другой стороны, такой способ наказания мог оказывать разрушительное воздействие и непосредственно на психику клеймённого человека, клеймо морально и физически действовало как стигматизация жертвы в лице других граждан.

Всего за годы оккупации г. Красногвардейска было замучено в пытках и лагерях 3500–4000 красногвардейцев [21, л. 5].

Демонстрируя свою безнаказанность и абсолютную власть, нацисты могли издеваться и над телами погибших людей. В свидетельских показаниях от 17 сентября 1941 г. говорится: «По дороге от деревни Межно до станции Сиверкая группа немецких солдат человек 15 со смехом, криками и улюлюканьем катала по дороге, как колесо, одного еврея, у которого руки и ноги были привязаны к спине: этот еврей был мёртв» [21, л. 31]. Данные действия немецких солдат были показателем обесценивания человеческой жизни, особенно представителя еврейской национальности. Это проявление дегуманизации выражалось не только по отношению к еврейскому населению города в контексте посмертных издевательств, но также и в повсеместных унижениях русских граждан.

В соответствии с пропагандируемой нацистами идеей расовой неполноценности русского населения, проявлялось и жёсткое моральное подавление граждан. Русскому населению внушалось, что их раса низшая, и свидетельства того, как немецкие солдаты подчёркивали данное убеждение через жестокое и уничижительное отношение к русскому населению подтверждают это. В городе на многих зданиях, где располагались немецкие солдаты, находились надписи: «русским вход воспрещён». При критическом дефиците продуктов питания нацисты могли глумиться над местным населением. Несколько свидетельниц, в числе которых уроженки Красногвардейска Станкевич, Альвина и Каманина, рассказывали о следующей ситуации: «Иногда, ради забавы, немцы бросали в лужу кусок гнилого мяса и заставляли женщин вытаскивать его оттуда» [21, л. 4]. Гражданин Красовский в свою очередь рассказывал: «Моя 64-х летняя сестра М. Станкевич в одно из воскресений пошла на кухню и попросила у немца чего-нибудь поесть, но в ответ услышала: "Обед сегодня вкусный, не для русских"» [21, л. 4].

С весны 1942 г. немцы стали отказываться от публичных казней, переводя тактику запугивания на страницы газет и объявлений. Нацисты начали вывешивать на улицах и публиковать в печати списки расстрелянных и повешенных граждан Красногвардейска и района.

Использование печати было действенным способом влияния на массовое сознание местного населения. Строгое регулиро-

вание доступа к информации, цензура прессы, радиовещания и других средств коммуникации позволяла оккупационным властям формировать единую идеологическую линию и подавлять альтернативные точки зрения. Ограничение доступа к информации также способствовало формированию осознания изоляции и чувства отчуждения у населения по отношению как к советской власти, так и ко всему населению СССР и Красной армии, которая вела боевые действия против нацистов.

С целью формирования верной, с точки зрения нацистов, идеологической линии в Красногвардейске, а также нескольких сельских населённых пунктах Красногвардейского района, были открыты книжные магазины, где продавали литературу, газеты, журналы, брошюры и другую печатную продукцию прогерманской направленности. Одна из немецких листовок за 1942 г. сообщала, что в посёлке Сиверский в магазине продовольствия была открыта торговля газетами, журналами, книгами и прочими печатными материалами. В ней подчёркивалось: «В интересах трудящегося народа, чтобы каждый мог приобрести интересующую его литературу, магазин открыт ежедневно, а по воскресеньям – до обеда» [23, л. 1]. Листовка призывала местных старост сёл и деревень при посещении данного магазина закупать литературу не только для личного пользования, но также и для всего населения деревни, с целью «ознакомить жителей ... с новейшими происшествиями, и таким образом, связать себя со всем миром» [23, л. 1]. Отдельно отмечалось, что германская армия прилагает максимальные усилия для обеспечения русского населения новейшими известиями, однако вследствие большевистских разрушений не все их желания относительно литературы удаётся исполнить.

Одновременно с этим вся советская литература, а также советские периодические издания были изъяты из обращения и уничтожены. В списке книг, которые были доступны для покупки в книжном магазине Красногвардейска, можно обнаружить 227 наименований литературы преимущественно немецких авторов, большинство из которых были напечатаны на немецком языке. Помимо художественных произведений, а также различных справочников, здесь присутствовала и идеологически направленная литература, которая пропагандировала национал-социализм. В частности, на 226-й

позиции в данном списке обозначена книга «Майн Кампф» за авторством А. Гитлера [24, л. 8а].

Печать использовалась и как механизм запугивания и введения в заблуждение. Газеты, которые печатались на русском языке на оккупированной территории, часто были направлены на контроль за местными жителями через использование заведомо ложной, а также деморализующей информации. Свидетели Новикова и Прокофьева, которые давали свои показания ЧК описывали, какие сводки печатали в местных газетах немецкие власти. Распространёнными сюжетами были описания ситуации, при которой советские солдаты после освобождения города расстреляют всех жителей Красногвардейска по причине их сотрудничества с нацистами в годы оккупации [21, л. 4]. Также в газетах можно было наблюдать и сводки о состоянии Красной армии, где описывалось бедственное положение солдат, которые воюют без обмундирования и неспособны поддерживать боеспособность [21, л. 4]. Таким образом, можно предположить, что нацисты, вводя в заблуждение местных жителей относительно состояния государства и армии, готовили почву для контролируемого перемещения последних в Германию при отступлении из Красногвардейска. В других газетных статьях описывались похожие сюжеты: в Советском Союзе бушует голод, Красная армия неспособна вести боевые действия, также повторялась тема про расстрел жителей при снятии оккупации с города [21, л. 33].

Ещё одним немаловажным элементом в деле реализации пропагандистской политики Третьего рейха на оккупированных территориях стали школы, которые были направлены в первую очередь на идеологическую обработку детского населения. Чтобы искоренить коммунистическую идеологию, советские школы были реформированы. Детям преимущественно преподавали богословие, немецкий язык, физическую культуру и другие дисциплины, которым придавалось первостепенное значение. Е. Ф. Кринко отмечал: «В начальной школе на оккупированных территориях РСФСР рекомендовалось изучать русский язык и немецкий язык, арифметику, а также краеведение, естествознание, заниматься гимнастикой, пением, рукоделием (для девочек) или трудом (для мальчиков), физкультурой. ... В старших классах добавлялись физика, химия, естествознание, география, черчение» [25, с. 44]. Однако, несмотря на обширную

школьную программу, она была полностью идеологизирована и заточена под нужды немецко-фашистских захватчиков. Многие предметы преподавались исходя из практической пользы для славянских детей, к примеру, в сфере сельского хозяйства и др [25, с. 44]. Идеологизация прослеживалась в учебных программах по истории, пению и другим гуманитарным дисциплинам, где предпочтение отдавалось восхвалению Германии, разжиганию ненависти к евреям, а также уничтожению коммунистической идеологии в обществе [25, с. 44–45].

В Красногвардейске работало несколько платных школ, где образование для славянских детей было выстроено таким образом, чтобы выработать доброжелательное отношение к нацизму и почтение к его лидеру А. Гитлеру, портрет которого висел в каждом классе, исключить возможность развития критического мышления, заменить преподавание строго научных дисциплин изучением Закона Божьего. В. М. Хвощевский, который пережил оккупацию Красногвардейска, впоследствии вспоминал: «Возле церкви – гимназия. Окна открыты – жарко. Я встал на приступочку и взглянул в класс. Дети сидели за партами, как когда-то и я. Но теперь за учение надо платить. Между партами прохаживался поп с крестом на груди» [26, с. 50–51].

Немецко-фашистскому оккупационному режиму было свойственно использовать религию и религиозные институты, которые выступали как своеобразный механизм уничтожения коммунистической идеологии в обществе. Советская государственная политика диктата атеизма к 1941 г. не реализовала себя в полной мере, многие граждане продолжали верить в Бога и исполнять христианские обряды и таинства. Оккупационный режим, пользуясь этим, способствовал массовому открытию церквей и поощрению религиозности среди советских граждан. Немцы открывали храмы и поддерживали их материально. Относительно Красногвардейска С. К. Бернёв приводит следующие цифры: «Гатчинский собор получил 100 тысяч рублей на восстановление из городского управления, священнику Апраксину немцы лично выдали 30 тысяч рублей и шесть дорогих церковных облачений» [27, с. 156].

Стоит уточнить, что с одной стороны, политика насаждения религиозности действительно была направлена на уничтожение основ коммунистической идеологии. С другой же стороны,

священники, которые в данных обстоятельствах снова обрели работу в оккупированных городах, часто становились опорой для местных жителей. А. В. Бурлаков в своей книге «Гатчинский край в годы оккупации 1941–1944» отмечает: «В условиях фашистской оккупации они не только окормляли свои приходы: сотрудничая с властями, священники оказывали посильную помощь населению города, посещали концлагеря для военнопленных, опекали учебные и приютские заведения. По возможности, они пытались решить продовольственную проблему...» [28, с. 21]. Это видно на примере священника Ф. Забелина, протоиерея Гатчинского собора, который ранее служил в Знаменской церкви оккупированного г. Пушкина, а позже в ходе одной из «эвакуаций» был переведён в Красногвардейск. Он, как и многие священнослужители, оказывал посильную помощь населению. Известно, что он укрывал красногвардейцев от артобстрелов в подвале собора. Однако Забелину не всегда удавалось найти общий язык с захватчиками, в документах ЧК зафиксировано следующее свидетельство: «Протоиерей Фёдор Забелин, обратившийся в комендатуру с просьбой выдачи хотя бы незначительного количества хлеба, был, несмотря на свой преклонный возраст, грубо выгнан из помещения» [21, л. 5].

Помимо этого, нацистский режим активно использовал символику, ритуалы покорности и культ личности вождя, которые служили для укрепления психологической зависимости населения от режима.

Нацистская символика активно использовалась вместе с пропагандой немецко-фашистского режима, который выставлял оккупантов как освободителей местного населения от «ига» большевизма. В Красногвардейске проводились мероприятия, концерты и праздники. Одним из таких праздников был «День освобождения» – 22 июня. На одном из фотоснимков¹, сделанных нацистами в Красногвардейске в один из таких дней – 22 июня 1943 г., изображена заполненная людьми площадь перед Гатчинским дворцом, увешанным знамёнами со свастикой, а также вывешенным по центру портретом А. Гитлера. Этим символизмом не ограничивался, нацисты активно задействовали переиме-

¹ Немецкие военнотружущие на площади перед Гатчинским дворцом в оккупированном Красногвардейске (с 1944 года – Гатчина) // Военный альбом. Фотографии Второй мировой и Великой Отечественной войны (1939–1945). URL: <https://waralbum.ru/342608/> (дата обращения: 20.06.2024).

нования улиц, сёл, и местности на немецкий манер, что также являлось средством воздействия на массовое сознание и должно было создавать впечатление, что советские граждане – часть германского рейха. Например, сам город Красногвардейск был переименован в Линдемаштадт в честь главнокомандующего 18-й армией Г. Линдемана. Это название встречается на многочисленных фотографиях [29–31], которые делались советскими солдатами при освобождении оккупированных территорий в 1944 г. На них изображены немецкие указатели, которые повсеместно устанавливались не только в Красногвардейске и районе, но и в других оккупированных областях Советского Союза.

Ещё одним фактором влияния на массовое сознание являлась система наград и наказаний, которая играла важную роль в поддержании социального порядка. Те, кто проявлял лояльность к режиму или помогал в его осуществлении, могли рассчитывать на привилегии и льготы, в то время как оппозиционно настроенные граждане подвергались репрессиям.

Сотрудничество с оккупантами в данном контексте условно можно разделить на две основные категории: вынужденное (бытовое) сотрудничество и активное пособничество.

Так называемый бытовой коллаборационизм зачастую мог быть результатом влияния страха и поиска возможностей для выживания. В условиях нехватки пропитания косвенное сотрудничество могло стать единственной возможностью обеспечения себя и своей семьи необходимыми ресурсами. С другой стороны, постоянное запугивание, а также демонстрация беззакония и безнаказанности со стороны оккупантов могли повлиять на принятие человеком решения о сотрудничестве и несопротивлении из-за опасений за свою жизнь и жизнь родственников. Стоит также отметить, что не последнюю роль в этом контексте играли и информационные ограничения, которые влекли за собой недостоверные сведения о состоянии государства и армии. В таких обстоятельствах действия человека могли быть обусловлены неверными представлениями о ситуации в стране и на фронте. Сотрудничество с оккупантами далеко не всегда было сознательным выбором в пользу нацистов, а часто являлось вынужденной мерой в условиях угрозы жизни.

В Красногвардейске поимённо известны несколько десятков людей, которые были вынуждены сотрудничать с оккупантами

по различным причинам. В первую очередь, нацисты нуждались в профильных специалистах, часто это были ветеринарные врачи, которые лечили местный скот, преимущественно коров и лошадей. Эти животные были основными источниками пропитания и передвижения для немецких солдат. Из документов ЧК можно узнать, что жители Красногвардейска С. Цепляева, М. Силиванов вместе с женой – Л. Силивановой, С. Колесников, А. Смирнова вместе с дочерью – С. Смирновой выполняли работу ветеринарных врачей и зоотехников [32, л. 1]. Однако часто человек мог выполнять и обычную бытовую работу, к примеру, И. Хокконен служил на лошади извозчиком по подвозу дров для больницы в посёлке Старо-Сиверском, а М. Трожкова выполняла чёрную работу, за которую получала от нацистов 3 рубля [32, л. 1].

Однако в Красногвардейске находились люди, которые охотно и целенаправленно сотрудничали с оккупантами ради собственной выгоды. Они принимали активное участие в карательных мероприятиях, составляли доносы, состояли в группах, устраивавших облавы на евреев и пр. Немалую роль в вербовке населения на службу к нацистам играл отдел пропаганды 18-й армии, на содержание которого уходили значительные средства. Представители этого отдела занимались активной пропагандой среди местного населения. Различными ухищрениями они пытались вербовать местных мужчин в Русскую освободительную армию и в ряды тыловых коллаборационистов. Для привлечения внимания местных жителей отдел пропаганды устраивал различные досуговые мероприятия. А. В. Бурлаков отмечал: «Здесь [в Красногвардейске] работали: "русский" театр, концертная бригада "Винетта" и несколько кинопередвижек. В театре неоднократно выступал с концертными программами знаменитый оперный певец Н. Печковский» [27, с. 19].

Чаще всего пособниками режима становились финны, латыши или эстонцы. Свидетели сообщали, что некоторые из тех людей, которые работали на нацистов, были особо увлечены избиениями и пытками сограждан. Несколько жителей называли имена переводчика гестапо Клоковского, латыша по национальности [21, л. 44], и Крумена, также латыша по национальности [21, л. 44]. Свидетель описывал преступления этих людей: «Клоковский сбрасывал, сталкивал с лестницы вниз советских граждан, а Крумен ставил арестованных гестапо у помойки,

давал в руки горшок с цветком и заставлял стоять без движения два часа, если же кто-нибудь шевелился, того забивал» [21, л. 44]. Однако такая национальная тенденция не была свойственна всей оккупированной зоне ленинградских пригородов. К примеру, из документов, относящихся к преступлениям в Пушкине, становится понятным, что большинство людей, которые сотрудничали с нацистами в этом городе, были русскими [33].

Наконец голод являлся одним из ключевых элементов немецкой оккупационной политики. Массовый продовольственный кризис, вызванный немецкой оккупацией, был не только физическим, но также психологическим инструментом, который способствовал контролю за населением. Нацистский «План голода» был разработан немецким статс-секретарём Г. Бакке в ответ на указания А. Гитлера и Г. Гиммлера об уничтожении славянского населения. План предполагал под собой снабжение немецкой армии за счёт собственных сил, использование советских ресурсов для обеспечения Германии, перекрытие путей поставок продовольствия на оккупированные территории, изъятие у населения продовольственных запасов, отказ от обеспечения местных жителей продуктами питания. В директивах немецкого штаба «Ост» было прямо указано, что при реализации данного плана в первую очередь от голода должны пострадать крупнейшие города СССР, безусловно, речь шла о Москве и Ленинграде: «...Население этих территорий, в частности население городов, столкнётся с величайшим голодом» [34, с. 90]. Е. Н. Яковлев отмечал: «Мы имеем документальное доказательство, что план голода для города на Неве существовал уже за месяц до начала войны, и последующая его трагедия была вовсе не случайностью» [34, с. 90]. Однако тотальному голоду подвергся не только блокадный Ленинград, но и жители многих оккупированных городов и сёл Ленинградской области, в том числе и пригородные районы. Стоит отметить, что «План голода» в первую очередь являлся экономической стратегией немецкого руководства по обеспечению Германии и армии ресурсами, однако в то же время он являлся и частью глобального плана нацистов по уничтожению и порабощению народов, которые в нацистской Германии считались «низшими». Специалист в сфере исследования истории нацистской Германии, британский историк А. Кей отмечал: «Хотя создание запасов продоволь-

ствия путём физической изоляции миллионов советских людей от источников пропитания в основном преследовало экономические цели, к тому, что такая идея была вынесена на рассмотрение, привело свойственное авторам данной стратегии чисто расистское отношение к предполагаемым жертвам» [35, с. 29].

Первые полгода с момента начала оккупации нацисты не предоставляли продовольствие местным жителям. Когда красногвардейцы просили у захватчиков еды им отвечали: «Просите у товарища Сталина, чтобы он прислал вам хлеба» [21, л. 4]. Зимой 1942 г. всё нетрудоспособное население города начало получать по 150 гр. хлеба в день, а те люди, которые участвовали в тяжёлых работах получали по 200 гр., и литру супа, который они называли «баландой отвратительного вкуса и качества» [21, л. 4]. Население умирало от голода, многие принимали в пищу несъедобное: мох, траву, кишки и отбросы с бойни, немецкие отходы с кухни. Однако это могло привести к наказанию, вплоть до казни, о чём свидетельствовали Е. Николаева и Н. Егорова, а также очевидцы Бруно, Новиков, Красовский [21, л. 4].

Обсуждение и выводы

Анализ архивных документов и других материалов позволил выявить основные факторы влияния немецко-фашистского оккупационного режима на формирование и изменение массового сознания среди жителей Красногвардейска. Так, основными факторами влияния являлись: страх как механизм контроля местных жителей; пытки, казни, аресты и преследования, что создавало ситуацию безысходности и отчаяния среди жителей города, и позволяло нацистским властям эффективно контролировать население.

Цензурирование всех источников информации также создавало ситуацию неверного представления о положении дел в стране, что позволяло контролировать жителей через отчуждение от советского государства и народа.

Пропаганда национал-социалистических идей была направлена на создание верной, с точки зрения нацистов, идеологической линии среди населения, жители должны были увидеть в захватчиках своих спасителей от большевизма.

Пропаганда сотрудничества с врагом среди красногвардейцев работала как механизм поддержки осуществления репрес-

сий при участии некоторых жителей города и облегчения взаимодействия режима с местным населением.

«План голода» в совокупности с вышеперечисленными факторами являлся не только механизмом экономического обеспечения нацистов, он также работал и как рычаг давления на местное население с целью его подчинения и дальнейшего уничтожения.

Отдельного уточнения заслуживает и тот факт, что даже в экстремальных условиях немецко-фашистской оккупации, несмотря на многочисленные факторы, упомянутые нами выше, всё же существовали отдельные очаги сопротивления населения немецко-фашистской власти на оккупированной территории Красногвардейска.

В результате использования многочисленных методов подавления и контроля, которые были задействованы нацистскими войсками на оккупированной советской территории, среди местных жителей была создана атмосфера страха, подчинения и зависимости от немецкой власти. Для тех людей, которые оказались в чрезвычайных условиях оккупации, этот жестокий режим, безусловно, становился решающим фактором влияния на их массовое сознание в годы Великой Отечественной войны и являлся одной из главных причин изменений в их поведении, мышлении и мировоззрении. Системный механизм манипуляции слабостями человеческой психики, подвергнутой экстремальным обстоятельствам, стал важным инструментом в деле поддержания стабильности оккупационного режима и контроля за местным населением со стороны немецко-фашистских захватчиков.

Список литературы

1. Загоруйко М. М. Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. М.: Экономика, 1970. 271 с.
2. Никитин М. Н. Чудовищные злодеяния немецко-фашистских палачей: По материалам и документам из оккупированных районов и городов Ленинградской области. Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1943. 176 с.
3. Вагин П. И., Никитин М. Н. Под игом гитлеровских палачей. М.: Госполитиздат, 1943. 45 с.
4. Швердалькин П. Р. Ленинградские партизаны. Л.: Лениздат, 1947. 220 с.
5. Швердалькин П. Р. Героическая борьба ленинградских партизан. Л.: Лениздат, 1959. 307 с.
6. Гриднев В. М. Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики, 1941–1944. М.: Наука, 1976. 231 с.
7. Арутюнян И. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1970. 466 с.
8. Семиряга М. И. Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЕН, 2000. 863 с. EDN: PDWRUH

9. Ковалёв Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг. Типы и формы. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2009. 372 с. EDN: YASQNF
10. Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. СПб.: Нева, 2004. 448 с. EDN: XTJVJR
11. Яров С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М.: Молодая гвардия, 2018. 318 с. EDN: ZRQNFU
12. Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде: в 3 т. СПб.: Издательство СПбГУ, 2013–2017. EDN: YOZCAF
13. Козлов Н. Д. Особенности оккупационного режима и повседневной жизни населения пригородных районов осаждённого Ленинграда // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Подвиг народа и уроки истории. Сб. статей по материалам междунар. науч. онлайн конф. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. – С. 279–291.
14. Козлов Н. Д. Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Альтер-Эго, 2008. 336 с. EDN: QOIBUP
15. Козлов Н. Д. С волей к победе: Пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2002. 312 с. EDN: SLWYVN
16. Ковалёв Б. Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011. 619 с. EDN: QPSXGV
17. Красноженова Е. Е. «Детства больше не было»: детская повседневность в период оккупации северо-запада России (1941–1944 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2021. – № 4. – С. 51–56. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-69-4-051-057. EDN: KCZPOE
18. Красноженова Е. Е. Организация повседневной жизни населения в период Великой Отечественной войны (на материалах Нижнего Поволжья) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 4. – С. 41–48. EDN: PRVKXX
19. Сомов В. А. Бомбёжки г. Горького и массовое сознание в годы Великой Отечественной войны // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2007. – № 1. – С. 33–39.
20. Минникова Т. Н. Оккупация: историко-психологические аспекты: (Ленинградская область: Тосненский район). СПб.: Часть речи, 2018. 415 с.
21. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 9421. Оп. 1. Д. 81.
22. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7971. Оп. 16. Д. 54.
23. ЦГА СПб. Ф. Р-3355. Оп. 4. Д. 233.
24. ЦГА СПб. Ф. Р-3355. Оп. 4. Д. 234.
25. Кринко Е. Ф. Советская школа в условиях нацистской оккупации (1941–1944 гг.) // Отечественная и зарубежная педагогика. М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования», 2015. № 2 (23). С. 40–50. EDN: TXUBSX
26. Хвощевский В. М. Кораблик. Автобиографическая повесть. СПб.: СПИШЭ, 1992. 83 с.
27. Бернев С. К., Пензина А. С. Следствие продолжается: Очерки по материалам следственных дел и документов Архива Управления ФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области: 95-летию образования органов безопасности Петрограда – Ленинграда – Санкт-Петербурга посвящается. СПб.: Первый класс, 2013. 211 с.
28. Бурлаков А. В. Гатчинский край в годы немецко-фашистской оккупации: страницы истории. Гатчина: б. и., 2020. 263 с.
29. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб). Фотодокументы. Оп. 1AP-8. Д. 14224.
30. ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1AP-129. Д. 174519.
31. ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1AP-62. Д. 99023.
32. ЦГА СПб. Ф. Р-3355. Оп. 4. Д. 127.
33. ЦГА СПб. Ф. 8557. Оп. 6. Д. 1095.
34. Яковлев Е. Н. Совещание в Вевельсбурге, план голода и «окончательное решение»: истоки нацистского замысла о геноциде народов СССР // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2021. – № 2. – С. 70–160. DOI: 10.24412/2409-1413-2021-2-70-161. EDN: OWSCZD
35. Кей А. Германские статс-секретари, массовый голод и совещание 2 мая 1941 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2021. – № 3. – С. 7–39.

The Mechanism of Influence of the Nazi Occupation Authorities on the Mass Consciousness of the Krasnogvardeysk Inhabitants

Michael V. Maksimov

The article examines the main factors that were inherent in the Nazi occupation regime as part of the formation of the mechanism of influence on the mass consciousness and everyday life of the occupied territory inhabitants using the example of the city of Krasnogvardeysk (Gatchina). Based on archival data, office documents, as well as personal sources, the main components of influence of the Nazi occupation authorities on local residents in order to change their mass consciousness, as well as to prevent any forms of resistance in the occupied territory, were identified. The following factors stand out most clearly in this system of influence: permanent intimidation of population with the aim of total control, use of ideological propaganda, strict censorship of information sources, the "Policy of Hunger", as well as cruel repressions using torture and public executions in relation to civilian population. The occupation policy aimed to form negative attitude towards the Soviet regime among the population, a friendly attitude towards German soldiers as liberators of the population from Bolshevism, propaganda of cooperation and non-resistance, as well as propaganda of total submission within the framework of social-nationalist racial attitudes. This article was created as part of dissertation research on the topic "Everyday life and mass consciousness of residents of suburban areas of Leningrad in the 40s of the 20th century".

Key words: Great Patriotic War, Nazi occupation, mass consciousness, everyday life, Leningrad.

For citation: Maksimov, M. V. (2025) Mekhanizm vliyaniya nemecko-fashistskikh okkupatsionnykh vlastej na massovoe soznanie zhitel'ev g. Krasnogvardejska [The Mechanism of Influence of the Nazi Occupation Authorities on the Mass Consciousness of the Krasnogvardeysk Inhabitants]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 105–125. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_2_105. EDN: AXTHGM

References

1. Zagorul'ko, M. M. (1970) *Krah ekonomicheskikh planov fashistskoj Germanii na vremenno okkupirovannoj territorii SSSR* [The collapse of the economic plans of Nazi Germany in the temporarily occupied territory of the USSR]. Moscow: Ekonomika. (In Russ.)
2. Nikitin, M. N. (1943) *Chudovishchnye zlodeyaniya nemecko-fashistskikh palachej: Po materialam i dokumentam iz okkupirovannykh rajonov i gorodov Leningradskoj oblasti* [Monstrous atrocities of the Nazi executioners: Based on materials and documents from the occupied regions and cities of the Leningrad region]. Leningrad: Leningradskoe gazetno-zhurnal'noe i knizhnoe izdatel'stvo. (In Russ.)
3. Vagin, P. I., Nikitin, M. N. (1943) *Pod igom gitlerovskikh palachej* [Under the yoke of Hitler's executioners]. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
4. Sheverdalkin, P. R. (1947) *Leningradskie partizany* [Leningrad partisans]. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)
5. Sheverdalkin, P. R. (1959) *Geroicheskaya bor'ba leningradskikh partizan* [The heroic struggle of Leningrad partisans]. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)
6. Gridnev, V. M. (1976) *Bor'ba krest'yanstva okkupirovannykh oblastej RSFSR protiv nemecko-fashistskoj okkupatsionnoj politiki, 1941–1944* [The struggle of the peasantry of the occupied regions of the RSFSR against the Nazi occupation policy, 1941–1944]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Arutyunyan, I. V. (1970) *Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [The Soviet peasantry during the Great Patriotic War]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Semiryaga, M. I. (2000) *Kollaboracionizm: priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroj mirovoj vojny* [Collaborationism: nature, typology and manifestations during the Second World War]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.). EDN: PDWRUH

9. Kovalyov, B. N. (2009) *Kollaboracionizm v Rossii v 1941–1945 gg. Tipy i formy* [Collaborationism in Russia in 1941–1945. Types and forms]. Velikiy Novgorod: Novgorodskij gosudarstvennyy universitet. (In Russ.). EDN: YASQNF
10. Lomagin, N. A. (2004) *Neizvestnaya blokada* [Unknown blockade]. Saint Petersburg: Neva. (In Russ.). EDN: XTJVJR
11. Yarov, S. V. (2018) *Povsednevnyaya zhizn' blokadnogo Leningrada* [Daily life of besieged Leningrad]. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.). EDN: ZRQNFU
12. Sobolev, G. L. (2013–2017) *Leningrad v bor'be za vyzhivanie v blokade* [Leningrad in the struggle for survival during the siege]. In 3 vol. Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPBGU. (In Russ.). EDN: YOZCAF
13. Kozlov, N. D. (2002) Osobennosti okkupacionnogo rezhima i povsednevnoj zhizni naseleniya prigorodnykh rayonov osazhdyonnogo Leningrada [Features of the occupation regime and the daily life of the population of the suburban areas of besieged Leningrad]. *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg.: Podvig naroda i uroki istorii* [The Great Patriotic War of 1941–1945: The feat of the people and the lessons of history]. Collection of articles based on international scientific online conference materials. Kazan: Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT. Pp. 279–291. (In Russ.)
14. Kozlov, N. D. (2008) *Oficial'noe i obydennoe soznanie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Official and everyday consciousness during the Great Patriotic War]. Saint Petersburg: Al'ter-Ego. (In Russ.). EDN: QOIBUP
15. Kozlov, N. D. (2002) *S voley k pobeде: Propaganda i obydennoe soznanie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [With the will to win: Propaganda and everyday consciousness during the Great Patriotic War]. Saint Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina. (In Russ.). EDN: SLWYVN
16. Kovalyov, B. N. (2011) *Povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii v period nacistской okkupacii* [Everyday life of the Russian population during the Nazi occupation]. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.). EDN: QPSXGV
17. Krasnozhenova, E. E. (2021) «Detstva bol'she ne bylo»: detskaya povsednevnost' v period okkupacii severo-zapada Rossii (1941–1944 gg.) [“There was no more childhood”: children's everyday life during the occupation of north-west Russia (1941–1944)]. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economics, culture]. No. 4. Pp. 51–56. (In Russ.). DOI: 10.21672/1818-510X-2021-69-4-051-057. EDN: KCZPOE
18. Krasnozhenova, E. E. (2012) Organizaciya povsednevnoj zhizni naseleniya v period Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Nizhnego Povolzh'ya) [Organization of everyday life of the population during the Great Patriotic War (based on materials from the Lower Volga region)]. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economics, culture]. No. 4. Pp. 41–48. (In Russ.). EDN: KCZPOE
19. Somov, V. A. (2007) Bombyozhki g. Gor'kogo i massovoe soznanie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Bombing of Gorky and mass consciousness during the Great Patriotic War]. *Izvestiya VUZov. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki* [News of Universities. Volga region. Humanities sciences]. No. 1. Pp. 33–39. (In Russ.)
20. Minnikova, T. N. (2018) *Okkupaciya: istoriko-psihologicheskie aspekty: (Leningradskaya oblast': Tosnenskiy rajon)* [Occupation: historical and psychological aspects: (Leningrad region: Tosnensky district)]. Saint Petersburg: Chast' rechi. (In Russ.).
21. *Central'nyy gosudarstvennyy arhiv kinofotofonodokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archives of St. Petersburg] (hereinafter – CGAKFFD Spb). F. 9421. I. 1. C. 81.
22. *Rossiyskij gosudarstvennyy arhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics] (hereinafter – RGAE). F. 7971. I. 16. C. 54.
23. *Central'nyy gosudarstvennyy arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archives of St. Petersburg] (hereinafter – CGA Spb). F. P-3355. I. 4. C. 233.
24. CGA Spb. F. R-3355. I. 4. C. 234.
25. Krinko, E. F. (2015) Sovetskaya shkola v usloviyakh nacistской okkupacii (1941–1944 gg.) [Soviet school under Nazi occupation (1941–1944)]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* [Domestic and foreign pedagogy]. No. 2 (23). Pp. 40–50. EDN: TXUBSX
26. Hvoshchevskij, V. M. (1992) *Korablik. Avtobiograficheskaya povest'* [Ship. Autobiographical story]. Saint Petersburg: SPISHE. (In Russ.)

27. Bernev, S. K., Penzina, A. S. (2013) *Sledstvie prodolzhaetsya: Ocherki po materialam sledstvennyh del i dokumentov Arhiva Upravleniya FSB po g. Sankt-Peterburgu i Leningradskoj oblasti: 95-letiyu obrazovaniya organov bezopasnosti Petrograda – Leningrada – Sankt-Peterburga posvyas-hchaetsya* [The investigation continues: Essays on the materials of investigative cases and documents from the Archive of the FSB Directorate for St. Petersburg and the Leningrad Region: dedicated to the 95th anniversary of the formation of the security agencies of Petrograd – Leningrad – St. Petersburg]. Saint Petersburg: Pervyj klass. (In Russ.)

28. Burlakov, A. V. (2020) *Gatchinskij kraj v gody nemecko-fashistskoj okkupacii: stranicy istorii* [Gatchina region during the years of Nazi occupation: pages of history]. Gatchina. (In Russ.)

29. CGAKFFD SPb. Fotodokumenty. I. 1AR-8. Storage unit 14224.

30. CGAKFFD SPb. Fotodokumenty. I. 1AR-129. Storage unit 174519.

31. CGAKFFD SPb. Fotodokumenty. I. 1AR-62. Storage unit 99023.

32. CGA SPb. F. R-3355. I. 4. C. 127.

33. CGA SPb. F. 8557. I. 6. C. 1095.

34. Yakovlev, E. N. (2021) Soveshchanie v Vevel'sburge, plan goloda i «okonchatel'noe reshenie»: istoki nacistского замысла о genocide народов СССР [The Wewelsburg meeting, the famine plan and the “final solution”: the origins of the Nazi plan for genocide of the peoples of the USSR]. *Zhurnal rossijskikh i vostochnoevropskikh istoricheskikh issledovanij* [Journal of Russian and East European Historical Research]. No. 2. Pp. 70–160. (In Russ.). DOI: 10.24412/2409-1413-2021-2-70-161. EDN: OWSCZD

35. Kej, A. (2021) Germanskie stats-sekretari, massovyj golod i soveshchanie 2 maya 1941 g. [German State Secretary, mass famine and meeting of May 2, 1941]. *Zhurnal rossijskikh i vostochnoevropskikh istoricheskikh issledovanij* [Journal of Russian and East European Historical Research]. No. 3. Pp. 7–39. (In Russ.)

Об авторе

Максимов Михаил Вячеславович, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина; e-mail: maximov1915@mail.ru; ORCID ID: 0009-0003-5976-980X

About the author

Maksimov Michael V., Postgraduate, Pushkin Leningrad State University; e-mail: maximov1915@mail.ru; ORCID ID: 0009-0003-5976-980X

Статья поступила в редакцию 24.07.2024
Одобрена после рецензирования 09.01.2025
Принята к публикации 10.02.2025